

С. А. ЖАДОВСКАЯ

НА ПУТИ К МОРФОЛОГИИ РУССКИХ АГРАРНЫХ ПРАЗДНИКОВ¹

«Венец всякой науки есть раскрытие закономерностей», — писал В. Я. Пропп² и каждой своей работой, статьей или монографией, подтверждал эти слова.

Современники ученого и исследователи его метода неоднократно отмечали, что книга «Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования)» (1963) в научной биографии В. Я. Проппа стоит несколько особняком. Ее название (в особенности подзаголовок) и объект изучения для многих поставили ее в ряд трудов «этнографических»³ и таким образом отделили от анализа повествовательных структур. «Неожиданным, концептуальным и дискуссионным трудом» спустя несколько десятилетий назвала эту работу А. Н. Мартынова⁴.

Между тем в ответе К. Леви-Строссу на его отзыв об англоязычном издании первой монографии В. Я. Пропп в 1966 г. писал прямо: «В книге “Русские аграрные праздники” (1963)

¹ Выражаю искреннюю благодарность В. И. Ереминой, которой принадлежит идея этой статьи, и А. Ф. Некрыловой за помощь в ее подготовке.

² *Пропп В. Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки* // Пропп В. Я. Поэтика [фольклора] (Собрание трудов В. Я. Проппа) / сост., предисл. и коммент. А. Н. Мартыновой. М., 1998. С. 210.

³ Сегодня, когда институциональные рамки фольклористики, этнографии, этнологии и культурной антропологии размыты, такое разграничение уже не кажется существенным. Примечательно, однако, что именно за отсутствие этнографического контекста критиковал «Морфологию сказки» К. Леви-Стросс в знаменитой статье, увидевшей свет в 1960 г. (на французском языке): *Lévi-Strauss C. La structure et la forme. Réflexions sur un ouvrage de Vladimir Propp* // *Cahiers de l'Institut de Science économique appliquée. Série M. 1960. № 7 (mars)*. P. 1–36.

⁴ *Мартынова А. Н. Предисловие* // Пропп В. Я. Поэтика [фольклора] (Собрание трудов В. Я. Проппа). С. 14.

я применил как раз тот самый метод, что и в “Морфологии”. Оказалось, что все большие основные аграрные праздники состоят из одинаковых элементов, различно оформленных»⁵. В той же статье автор подчеркивал, что морфологический метод будет плодотворно работать там, где есть повторяемость в больших масштабах⁶.

Трудно не согласиться с Б. Н. Путиловым, который во вступлении к подготовленному им сборнику статей ученого (1975) писал: «Научная деятельность В. Я. Проппа была исключительно цельной. Если “Морфология сказки” может быть по-настоящему понята лишь в органическом единстве с “Историческими корнями волшебной сказки”, то и все его монографические работы и статьи обретают истинный смысл как этапы и конкретные — разных масштабов — реализации большого и единого замысла, осуществлению которого ученый посвящал, в сущности, всю жизнь»⁷. Позже более подробно мысль о связи двух монографий Проппа была раскрыта С. Б. Адоньевой в предисловии ко второму изданию «Аграрных праздников»⁸.

Действительно, в обеих книгах автор, отходя в сторону от прото-ренного, «традиционного» пути изучения выбранных им объектов, ставит в первую очередь вопрос о том, как эти объекты устроены. Постановкой этого вопроса В. Я. Пропп в конце 1920-х гг. и позже был автоматически сближен с русской формальной школой, принципиальное отличие его метода от которой состоит в раскрытии диахронической перспективы, генетической истории исследуемого материала⁹. Заметив, что русская волшебная сказка при всем своем многообразии может быть описана как набор функций, составляющих единственный сюжет-инвариант, автор предполагал углубиться (что и сделал позднее в «Исторических корнях») в поиски причин его существования. Несмотря на это, «Морфология сказки» долгое время воспринималась обособленно. И хотя книга,

⁵ Статья опубликована в 1966 г. на итальянском языке в издании «Морфологии сказки» вместе со статьей-отзывом К. Леви-Стросса. На русском языке впервые издана в 1975 г. в сборнике статей В. Я. Проппа: *Пропп В. Я. Структурное и типологическое изучение волшебной сказки* // Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избр. ст. / сост., ред., предисл. и примеч. Б. Н. Путилова. М., 1975. С. 137.

⁶ «Методы, предложенные в этой книге, <...> возможны и плодотворны там, где имеется повторяемость в больших масштабах» (*Пропп В. Я. Структурное и типологическое изучение волшебной сказки*. С. 151).

⁷ *Путилов Б. Н. Предисловие* // Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избр. ст. / Сост., ред., предисл. и примеч. Б. Н. Путилова. М., 1975. С. 15.

⁸ *Адоньева С. Б. [Предисловие]* // Пропп В. Я. Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования). СПб., 1995. С. 6.

⁹ Подробнее о В. Я. Проппе и формалистах см.: *Уорнер Э. Э. Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика*. СПб., 2005.

как убедительно показал К. В. Чистов в статье «В. Я. Пропп: легенды и факты»¹⁰, была органически связана с достижениями российской гуманитарной науки 1920-х гг., суть структурного изучения сказки (как, впрочем, и другие исследования, направленные на изучение структуры текста) не была понята и тем более принята большинством советских читателей и критиков того времени.

Лишь с конца 1950-х гг. «Морфология сказки» станет мощнейшим стимулом для работы отечественных и зарубежных ученых в области нарратологии, а спустя еще десятилетие и в более широком контексте — для исследований по математической и структурной лингвистике, теоретической поэтике, а также теории ЭВМ, детской психологии, теории коммуникации, киноискусству.

Именно на этом фоне — по выражению Б. Н. Путилова, «триумфального шествия по странам Европы и Америки»¹¹ первой книги ученого, получившей «второе рождение», широкую известность и мировое признание после выхода в свет в 1958 г. ее английского перевода¹², — вышла работа Проппа об аграрных праздниках. «Учение о форме» волшебной сказки, т. е. анализ ее нарративной структуры, счастливо соединились в то время, как отмечал и сам В. Я. Пропп, и его последователи, с открытиями в области точных наук, возможностями применения их методов в гуманитарных исследованиях, поисками новых путей в изучении нарратива и потому стали чрезвычайно актуальными в научной проблематике 1960–1980-х гг. Е. М. Мелетинский, размышляя о значении пропповского метода, писал о перспективах, которые открываются в изучении нарративных жанров. Он же кратко и точно сформулировал суть морфологического анализа: «В. Я. Пропп поставил перед собой задачу выявления постоянных элементов (инвариантов), наличествующих в волшебной сказке и не исчезающих из поля зрения исследователя при переходе от сюжета к сюжету. Открытые В. Я. Проппом инварианты и их соотношение в рамках сказочной композиции и составляют структуру волшебной сказки»¹³.

Монографии о русских праздниках предшествовали доклады и большая статья В. Я. Проппа на ту же тему. Один из докладов был сделан в октябре 1961 г. на специальном научном заседании

¹⁰ Чистов К. В. В. Я. Пропп: легенды и факты // Советская этнография. 1981. № 6. С. 52–64.

¹¹ Путилов Б. Н. Второе рождение книги // Вопросы литературы. 1971. № 3. С. 201.

¹² *Propp V. Morphology of the folktale* / ed. with an introd. by Svatava Pirkova-Jacobson; transl. by Laurence Scott. Bloomington, 1958. Печенеч.: International journal of American linguistics. Vol. 24, № 4, part. 3 (October). P. 1–134; Bibliographical and special series of the American folklore society. 1958. Vol. 9.

¹³ Мелетинский Е. М. Структурно-типологическое изучение сказки // Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969. С. 134. В этой же статье см. обзор работ русских и зарубежных исследователей, развивающих метод В. Я. Проппа.

Сектора народного творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР по случаю 70-летия В. М. Жирмунского. Если судить по краткой аннотации, в нем В. Я. Пропп впервые осветил свои изыскания в области календарных праздников. В том же году был подготовлен доклад «Методы изучения русских аграрных праздников», опубликованный позже на венгерском языке в ежегоднике Дебреценского университета «Культура и традиция». Тогда же, в конце 1961 г., в «Ежегоднике Музея истории религии и атеизма» им была опубликована статья «Исторические основы некоторых русских религиозных празднеств»¹⁴. В соответствии с темой сборника, вынесенной в его подзаголовок — «О преодолении религии в СССР», — Пропп сделал акцент на трудовом, сельскохозяйственном характере славянских календарных праздников в противовес религиозному их пониманию. В этой статье — по его выражению, «предварительных наблюдениях» (с. 274), — был проанализирован один, самый явный и, по мысли автора, основной элемент той единой системы, что составляет земледельческие праздники, а именно смерть/умерщвление и воскресение растительного объекта (дерева) или его антропоморфного эквивалента (чучела, куклы, Костромы и т. п.). Ритуальное уничтожение призвано передать растительную силу земле, полям. Вскользь в статье упомянуты и традиционные обрядовые игрища, и ритуальный смех при обрядовом уничтожении/похоронах объекта. Статья по сути представляет собой фрагмент будущей монографии: примеры и система доказательств, касающиеся такой составляющей многих обрядов, как «поминование усопших», переключались в будущую книгу практически без изменений. За пределами статьи остались другие «общие места» (структурообразующие элементы) земледельческих обрядов, суть которых будет обстоятельно раскрыта лишь в 1963 г. в монографии.

В связи с выходом «Русских аграрных праздников» было напечатано несколько рецензий в русских и зарубежных изданиях. Большей частью краткие, они носили обзорный характер, за исключением довольно подробного отзыва Г. А. Носовой, опубликованного на русском и немецком языках (немецкий вариант текста сделал сам В. Я. Пропп). Подготовка рецензии на книгу стала поводом для начала переписки между молодой сотрудницей Института этнографии АН СССР и профессором Ленинградского

¹⁴ *Propp V. Ja. Az orosz agrár rítusok tanulmányozásának módszerei* [Методы изучения русских аграрных обрядов] // *Műveltség és hagyomány* [Культура и традиция]. Budapest, 1963. Vol. 5. P. 55–64 (на венг. яз.). См. также автограф и машинопись венгерского доклада в Рукописном отделе Пушкинского Дома (РО ИРЛИ, ф. 721 (Пропп В. Я.), № 21); *Пропп В. Я. Исторические основы некоторых русских религиозных празднеств* // *Ежегодник музея истории религии и атеизма*. Т. 5: О преодолении религии в СССР. М.; Л., 1961. С. 272–296.

университета. «Я Вам очень благодарен за Ваш обстоятельный, обширный и прекрасно написанный реферат, — писал В. Я. Пропп Г. А. Носовой. — Он дает полное и правильное представление о книге, и я очень хорошо понимаю, как трудно это было сделать. В Вашем реферате книга выглядит даже более богатой, чем она есть на самом деле, т. к. материал подан чрезвычайно концентрированно, сжато, но вместе с тем полно»¹⁵.

На русском языке книга «Русские аграрные праздники» к настоящему времени выдержала несколько переизданий (1995, 2000, 2004, 2006). Первое из них, подготовленное С. Б. Адоньевой, содержит научно-справочный аппарат и учитывает правки редакторского характера, сделанные самим автором для предполагавшегося второго издания, во второе включены обширный текстологический комментарий, именной указатель и послесловие И. В. Пешкова. Переводов монографии на иностранные языки вышло (по сравнению с другими трудами В. Я. Проппа) немного, и не все из них полные: она была переведена на японский, французский и итальянский языки (см. Приложение к наст. статье).

Как мы знаем, ни в одном из своих трудов, будь то изучение русской сказки, эпоса, обрядовых праздников или церковной архитектуры (задуманное, но не осуществленное исследование¹⁶), В. Я. Пропп не считал большой массив фактического материала препятствием. Кажется, напротив: значительный объем накопленного знания (сведений, записей, текстов) понуждал его проникнуть в глубь предмета и увидеть организующую его форму, тот самый «скелет» — структурную основу, на которой этот материал существует, и выработать принципы его классификации. Стремясь как можно полнее охватить известный ему материал и не ограничивая его географическими рамками, исследователь тем не менее полагал, что нельзя отказываться от упорядочивания накопленной информации и до достижения ее максимальной полноты. В «Исторических корнях волшебной сказки» он писал о своей принципиальной позиции: «фольклорист может не учитывать решительно всего океана материала, и если закон верен, то он будет верен на всяком материале, а не только на том, который включен»¹⁷. При анализе всего

¹⁵ Восемь писем В. Я. Проппа к Г. А. Носовой (вступит. слово и публ. Г. А. Носовой) // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С. 140. Несколько писем Г. А. Носовой к В. Я. Проппу хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома (РО ИРЛИ. Ф. 721, № 400).

¹⁶ О замысле работы см.: Мартынова А. Н. Личный фонд В. Я. Проппа в рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН // Живая старина. 1995. № 3. С. 8. Об интересе В. Я. Проппа к русской храмовой архитектуре и некоторые высказывания о ней см.: Некрылова А. Ф. Из воспоминаний о В. Я. Проппе // Живая старина. 1995. № 3. С. 20–21.

¹⁷ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / отв. ред. В. И. Еремина, Н. М. Герасимова. Л., 1986. С. 33–34.

богатства эмпирических данных исследовательский интерес ученого был направлен в первую очередь на их систематизацию, поиск внутренних законов их организации. Достаточно вспомнить, как, резюмируя доклады специального совещания Сказочной комиссии (Sagen-Kommission) Международного общества по изучению повествовательного фольклора, прошедшего в Будапеште в октябре 1963 г., он резко высказался о мнении одного из коллег, что «поскольку фольклор алогичен, постольку логика к нему неприменима»: этот тезис, по мысли Проппа, должен быть отвергнут «самым решительным образом»¹⁸. «В классификациях наук о природе, — писал он далее, — нет и не может быть логических ошибок. К этому должны стремиться и мы, хотя наш материал существенно иной»¹⁹.

По мысли Б. Н. Путилова, одно из теоретико-методологических открытий В. Я. Проппа в трудах о сказке состояло в том, что он показал: «фольклорные сюжеты и целые жанры возникают путем своеобразной трансформации, художественного переосмысления и “отрицания” определенных этнографических явлений — обрядов, бытовых институтов, представлений»²⁰. Соотношение и взаимодействие фольклора и этнографической действительности стало основополагающей научной проблемой в 1960–1970-е гг., определившей направления развития фольклористики, этнографии, этнологии/антропологии, этномузыкологии, этнолингвистики. В 1968 г. состоялась первая конференция «Фольклор и этнография» (организаторами ее стали К. В. Чистов и Б. Н. Путилов), спустя два года вышел одноименный сборник под редакцией Б. Н. Путилова, положивший начало трудам по этнографическим аспектам фольклорных фактов и фольклорному «контексту» этнологии. По справедливому замечанию С. Ю. Неклюдова, «это было плодотворное направление, разрушавшее междисциплинарные перегородки между фольклористикой и этнологией <...> Книга В. Я. Проппа здесь также сыграла свою роль. Конечно, сопоставления “этнографических фактов” и фольклорных мотивов или сюжетов, как и соответствующие историко-генетические реконструкции, были до Проппа и продолжались помимо “пропповского направления”, но мало в какой другой российской/советской работе выявление этнографических параллелей к сказочному сюжету было сделано

¹⁸ *Пропп В. Я.* Принципы классификации фольклорных жанров // Советская этнография. 1964. № 4. С. 150.

¹⁹ Там же. С. 154. Ср. высказывание Я. Э. Голосовкера, датированное 1956 г.: «Логика по отношению к творческому мышлению не есть взятые в бетон берега реки, а само движение воды — ее течение. <...> все имеет свою структуру: и атом, и течение, и вихрь, и мышление» (*Голосовкер Я. Э.* Логика античного мифа // *Голосовкер Я. Э.* Логика мифа. М., 2010. С. 99).

²⁰ *Путилов Б. Н.* Второе рождение книги // Вопросы литературы. 1971. № 3. С. 204.

с такой полнотой, глубиной и последовательностью»²¹. В то же время группой ученых Института славяноведения РАН под руководством Н. И. Толстого велась работа над этнолингвистическим словарем «Славянские древности», широко разворачивались исследования в области языка и культуры, формировалось новое направление.

На этнографическом материале ученый решал ту же задачу, что и раньше: стремился понять внутреннюю логику организации значительного по объему материала, в данном случае — годового цикла земледельческих праздников, и выделить универсальную схему, которая объясняла бы его внутреннее единство. Выявляя, из каких постоянных элементов состоит земледельческий год, как связаны между собой праздники в годовом круге и чем объясняется определенный набор «приемов», В. Я. Пропп рассматривал народный календарь как целостную знаковую (эстетическую) систему.

«Гениальность Проппа, — отмечал К. Бремон, — сказалась не в том, что во всех случаях ему удалось прийти к правильным решениям, а в том, что он с самого начала сумел нащупать все наиболее существенные проблемы»²². Одной из таких «проблем», а точнее — точек опоры для развертывания будущих исследований, являются, согласно Бремону, принципы организации последовательности функций сказочных героев. По Проппу, напомним, последовательность функций персонажей в русской волшебной сказке *линейна*, а их корреляция определяется лишь хронологически (*сначала — потом*). Между тем возможность распределения функций по парам (бинарно) или по «кругам действий» (триадам) — возможность, описанная в «Морфологии сказки», — предполагает, согласно Мелетинскому, вариативность сочетаний и, соответственно, вариативность сюжетных схем. Отмеченная вариативность в распределении элементов (сказочного) сюжета и их последовательности окажется, как мы покажем ниже, важным свойством не только для повествовательной структуры фольклорного текста, но и для других подсистем традиционной культуры.

Принципиальной исходной посылкой для автора, напомним, было изучение всего цикла календарной обрядности. Высоко оценивая новаторскую для того времени монографию В. И. Чичерова о зимнем периоде народного календаря, В. Я. Пропп выразил сожаление, что исследователь не включил в круг своих интересов весь годовой цикл, так как «каждый праздник в отдельности

²¹ Неклюдов С. Ю. Владимир Пропп: от «морфологии» к «истории» (К 75-летию опубликования «Исторических корней волшебной сказки») // Новый филологический вестник. 2021. № 2 (57). С. 100–132.

²² Бремон К. Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа // Семиотика / сост., вст. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М., 1983. С. 430.

может быть понят только тогда, когда будет изучен весь годовой цикл их»²³. Изучая отдельные структурные элементы, обнаруживая их повторяемость в разных праздниках, автор предполагает, что такое исследование не только не нарушит цельность картины, но, напротив, станет глубокой основой для изучения каждого праздника. На это обратила внимание В. К. Соколова, поддержав в своей работе «Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX века» (1979) идею В. Я. Проппа рассматривать календарные праздники в годовом цикле, но при этом анализируя весенние и летние обрядовые комплексы в их специфике²⁴.

Чтобы выявить закономерности и открыть действующие законы, по которым организован народный календарь, следует, по Проппу, рассмотреть земледельческие обряды и праздники в единстве годового круга (в более поздней формулировке — как единый текст). Не считая обязательным привлекать весь массив обрядов, автор сосредоточился на главных праздниках, образующих год русского крестьянина-земледедца. Таковы святки, масленица, встреча весны, троичко-семицкий цикл с примыкающей к нему русальной неделей, день Ивана Купала и осенний цикл обрядов, связанных с окончанием жатвы и уборкой урожая. Для составления композиционной схемы исследователь выделил повторяемые компоненты, которые можно назвать ритуальными или культурными кодами: поминовение умерших, особая обрядовая/ритуальная еда как способ приобщения к продуцирующим силам природы, заклинательные (в том числе величальные) песни (веснянки, колядки/овсени/таусени, пасхальные волочебные песни, «окликание» молодоженов), использование растений в обрядах, ритуальное умерщвление/похороны, сопровождающиеся ритуальным смехом и увеселениями (в том числе с эротическим подтекстом). Все они направлены на реализацию главного смысла аграрных обрядов — стремления обеспечить плодородие земли и умножение всего живого. По Проппу, как известно, аграрные праздники носят магически-продуцирующий характер.

Обратим внимание на одно любопытное схождение. Почти одновременно с Проппом идея применить морфологический (структурный) метод к анализу невербальных жанров народной культуры была реализована известным американским антропологом и фолклористом, последовательным сторонником пропповского метода Аланом Дандесом. Напомним, что именно А. Дандес стал автором

²³ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. С. 12. Ранее В. Я. Пропп написал рецензию на эту книгу В. И. Чичерова 1957 г. в: *Deutsches Jahrbuch für Volkskunde*. Berlin, 1958. Bd. 4, t. 2. S. 570–572.

²⁴ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX века. М., 1979. С. 8–9.

предисловия ко второму, более точно отражающему идеи автора изданию «Морфологии сказки» на английском языке²⁵. В 1968 г., вдохновленный возможностями структурного анализа, которые открыла первая монография Проппа, Дандес писал: “Clearly, structural analysis is not an end in itself! Rather it is a beginning, not an end. It is a powerful technique of descriptive ethnography inasmuch as it lays bare the essential form of the folkloristic text. But the form must ultimately be related to the culture or cultures in which it is found. In this sense, Propp’s study is only a first step, albeit a giant one”²⁶.

А. Дандес вряд ли был знаком с текстом «Русских аграрных праздников»: перевода книги на английский язык нет и сегодня²⁷. Тем не менее в 1964 г. он опубликовал небольшую статью «О морфологии игры: исследование структуры невербального фольклора»²⁸. И название, и содержание ее указывает на развитие идей пропповской книги о сказке на ином, невербальном, материале. Последовательно сопоставляя функции сказочных персонажей (в его терминологии — мотифемы) и действия участников детских игр, Дандес обнаружил абсолютную совместимость метода анализа *повествовательной* структуры и структуры *неповествовательной*. Последовательность функций-мотифем в рассмотренных им играх соблюдается; в играх, как и в сказках, есть персонажи, выполняющие функцию дарителя, и объекты, служащие волшеб-

²⁵ Propp V. Morphology of the Folktale. 2nd ed. / revised and edited with a preface by Louis A. Wagner; new introd. by Alan Dundes, Austin; London, [1968, 1970].

²⁶ «Очевидно, что структурный анализ не является самоцелью! Это скорее начало, а не конец. Это мощный метод описательной этнографии, поскольку он раскрывает саму форму фольклорного текста. Но форма в конечном итоге должна быть связана с культурой или культурами, в которых она встречается. В этом смысле исследование Проппа — только первый шаг, хотя и гигантский» (Пер. мой. — С. Ж.) // Dundes A. Introduction to the second edition // Propp V. Morphology of the Folktale. Austin, [1968]. P. XI–XVII. P. XIII.

²⁷ Однако такая попытка, вероятно, была предпринята в Вашингтонском университете, см.: Christensen M. Translation of Russian Agrarian Holidays: An Experiment of Historical-Ethnographic Investigation by Vladimir Jakovlevich Propp (Honors Thesis, 1994). URL: <https://slavic.washington.edu/research/undergraduate/translation-russian-agrarian-holidays-experiment-historical-ethnographic> (дата обращения: 12.11.2021).

²⁸ Dundes A. On game morphology: A study of the structure of non-verbal folklore // New York Folklore Quarterly. 1964. № 20. P. 276–288. На русском языке в переводе А. С. Архиповой см.: Дандес А. О морфологии игры: исследование невербального фольклора // Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ: Сб. ст. / пер. с англ. А. С. Архиповой, А. И. Давлетшина, А. В. Козьмина, М. С. Неклюдовой, А. А. Панченко. Комм. А. С. Архиповой, А. И. Давлетшина, А. В. Козьмина, А. А. Панченко, С. Грэхема. М., 2003. С. 30–42. Библиографию А. Дандеса на английском языке см.: Meaning of Folklore: The Analytical Essays of Alan Dundes / ed. and introd. by Simon J. Bronner. Logan: Utah State University Press, 2007; Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ. С. 269–278.

ными предметами. Существенное отличие игры состоит в том, что во многих случаях (особенно если речь идет об играх состязательных) ее результат непредсказуем (в отличие от сказки), но на структурные элементы и их взаимоотношения это не влияет.

Главную оппозицию, образующую, по Проппу, сказочный сюжет (недостача/ликвидация недостачи), Дандес выявил и в других невербальных фольклорных жанрах — например, в танце: «Во многих танцах пара разбедняется, или, с точки зрения мужчины, он теряет свою партнершу (недостача). Оставшиеся танцоры воссоединяют разбединенных партнеров (ликвидация недостачи). Кроме того, уход из дома и возвращение домой происходит в сказках, играх, танцах и фольклорной музыке. Выражаясь структурно, не важно, является ли “дом” реальным домом, деревом, позицией в танце или нотой»²⁹. Таким образом, проверка структурного метода на исследовании этнографического материала была осуществлена учеными независимо друг от друга почти одновременно.

Доказанное автором наличие в аграрных праздниках повторяемых составляющих не стало основой для развертывания их в полноценный «сюжет», единую композицию. Несмотря на то что в каждой главе своей небольшой монографии В. Я. Пропп убедительно и наглядно показал последовательность обрядовых действий (того или иного ритуального кода), разворачивающихся в течение года, годовой земледельческий цикл предстанет перед читателем как некий набор элементов, разнесенных по уровням. Иными словами, единого «сюжета» календарного года автор не выстраивает. Однако можно, думается, говорить о том, что В. Я. Пропп увидел в основе календарного года русского крестьянина единую композиционную схему, данную имплицитно и реализующуюся во множестве конкретных форм — обрядов и праздников. Если придерживаться идеи о календарном годе как мировоззренческой системе русского крестьянина и рассматривать его как единое смысловое целое, то мы увидим, что годовой аграрный цикл может быть описан в тех же параметрах, что и инвариатный сюжет волшебной сказки.

Это тем более просто себе представить, что обряд или праздник сами по себе состоят из *действий*, и каждое из обрядовых действий регламентировано и имеет значение для хода дальнейшего времени до конца года. Черета будней и праздников составляет полный годовой круг, где один элемент определяет качество следующих за ним. Такое отношение к значимости трудовых

²⁹ Дандес А. О морфологии игры. С. 38. Отметим, кстати, что некоторые детские игры строятся по принципу парности, характерному для описываемых А. Дандесом танцев: изначальная недостача (партнера) — отправление в путь для устранения недостачи (перебегание с места на место в целях поиска партнера) — ликвидация недостачи и новая недостача у другого игрока.

дней и праздников зафиксировано в пословицах и поговорках: «К празднику готовься, а будни не срами», «Хорош праздник после трудов праведных». «Правильное» (закрепленное в традиции) ритуальное поведение в традиционной культуре обеспечивало хороший урожай, а значит — отсутствие голода (=ситуации нехватки) до следующего урожая. А. К. Байбурин и Г. А. Левинтон, говоря о единстве фольклорно-этнографической традиции, отмечают, что «в основе ее лежит единая семантическая система, единая парадигматика смысловых элементов <...>. Она реализуется в виде текстов, фольклорных, с одной стороны, и этнографических — с другой (в этом смысле и поведение, и вещи, и изображения являются текстами). Эти две системы выражения выступают как два подязыка, реализующих одну и ту же смысловую структуру, которая, как она ни эволюционирует от древнейших времен до современности, вплоть до полного разложения традиции, сохраняет свои основные особенности»³⁰.

Главным героем в «сюжете» земледельческих обрядов должно выступать, исходя из выявленных Проппом компонентов, зерно — квинтэссенция жизни и воспроизводства: «Зерно обладает свойством надолго сохранять и вновь воссоздавать жизнь, умножая ее. Семя — растение — семя составляют извечный кругооборот, который свидетельствует о нескончаемости жизни»³¹. Именно зерно в его модификациях (злаки, хлеб, сноп, солома, каша) является и основной целью продуцирующих магических обрядов, и основным их «действующим лицом», что закреплено как в обрядовой традиции, так и, например, в растительном орнаменте, причем не только у восточных славян³². «Зерно, — пишет А. К. Байбурин, — один из тех символов, которые пронизывают всю толщу обрядового универсума. Зерном гадают, им осыпают (“осевают”) молодых, новый дом; “кормят” могилу, послед; “очищают” роженицу. К этому следует добавить многочисленные обряды, связанные с севом, жатвой, первым и последним снопом, изделиями из муки, кашей и т. п. Столь высокая символическая нагрузка объясняется, видимо, тем, что зерно — идеальная метафора любого циклического процесса, который может быть описан в терминах “жизни”, “смерти”, “возрождения” в применении к основным объектам бытия — человеку, сообществу, дому, году и шире — культуре и природе. От-

³⁰ Байбурин А. К., Левинтон Г. А. О соотношении фольклорных и этнографических фактов // *Acta Historiae Artium (Academiae Scientiarum Hungaricae)*. 1983. № 32 (1–4). Р. 26–27.

³¹ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. С. 16.

³² Подробнее см.: Некрылова А. Ф. Традиционный русский календарь // *Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома*. СПб., 2009. С. 5–22; Бесчастнов Н. П. Художественный язык орнамента. М., 2010; Басангова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста, 2007.

сюда — возможность многочисленных перекодировок и главной из них — уподобления жизни зерна жизни человека и наоборот»³³. Отметим, кстати, часто встречающиеся в фольклорных текстах антропоморфные характеристики зерна, злаков, например:

И говорило Аржаное жито, В чистом поле стоя, В чистом поле стоя:	В поле стояти, Колосом махати.
«Не хочу я, Аржаное жито, Да в поле стояти, Да в поле стояти.	А хочу я, Аржаное жито, Во пучок взвязаться, В засенку ложиться.
Не хочу я, Аржаное жито,	А чтоб меня, Аржаное жито, Во пучок взвязали, З меня рожь выбрали» ³⁴ .

Попробуем схематично обозначить инвариантный сюжет годового земледельческого цикла, связав его с функциональным анализом сказки.

Начальная ситуация года может быть символически охарактеризована как недовоспелость, выраженная в засыпании/временном умирании природных (прежде всего растительных) сил. Урожай зерновых культур, полученный в результате предыдущего земледельческого кругооборота, в зимний период не прибавляется, а лишь расходуется, а производительные силы земли спят под снежным покровом. Ситуация недовоспелости напрямую не связана с действиями вредителя/антагониста (хотя в реальности возможна и такая ситуация — в случае порчи части урожая). В это время все обрядовые действия направлены на символическое увеличение плодovitости земли и умножение будущего урожая («посевание», поедание кутьи из цельного зерна и пр.). Функция «отправление героя в путь» — начало движения сказочного действия и фактическое начало земледельческого года — соответствует ситуации пахоты и сева: зерно отправляется в «иной» (подземный) мир, где ему предстоит пройти ряд «испытаний» и трансформаций. Примечательно, что перед буквальным отправлением зерна

³³ Байбури́н А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 214. Важен для нас также тезис о субъектно-объектной природе главного персонажа в обрядах перехода — например, жениха и невесты в свадебном обряде и т. д. (Там же. С. 196–198). Зерно в аграрных обрядах представлено одновременно как субъект (оно действует) и как объект (действие совершается с ним и над ним).

³⁴ Русские народные песни Смоленской области: В записях 1930–1940-х годов / сост., расшифр., коммент. Ф. А. Рубцова. Л., 1991. С. 38. № 35.

происходит отправление символическое (обряд символического засеивания поля при выходе на пашню). В «ином» мире зерну предстоит преодолеть ряд трудностей: прорасти, избежать встречи с вредителями или победить их и вернуться в «свой» мир. В этом обрядовому персонажу помогает «даритель» (силы природы) и его «волшебные средства» (солнечный свет, тепло, дождевая влага). Герой претерпевает ряд изменений внешнего облика (зерно — росток) и перемещается в пространстве (рост).

Такое буквальное, связанное с природой понимание функций и персонажей в цикле календарных обрядов возвращает нас и к «биологическим» эпиграфам из трудов И. В. Гете, предпосланным каждой главе «Морфологии сказки», и к терминологии книги, которая в определенной степени тоже была заимствована из области наук о природе. Вспомним, например, что о персонаже-антагонисте говорится: «Итак, в ход действия вступил вредитель. Он *пришел, подкрался, прилетел* и пр. и начинает действовать»³⁵, — эти слова с легкостью могут быть отнесены к грызунам, насекомым и другим вредителям злаковых. Сельскохозяйственные вредители (мыши, насекомые) побеждаются с помощью сил природы и человека, и зерно возвращается в «свой» мир в трансформированном виде (колос). В ходе жатвы и обмолота происходит обретение искомого облика героя (упомянем здесь и о частотном фольклорном образе «жатва как битва»), при этом традиционный праздник урожая (зажинки, дожинки и др.) может пониматься как свадебный пир. Так победоносно завершается сюжет истекшего календарного года и начинается подготовка к следующему.

Базовой для календарного круга становится оппозиция «смерть — возрождение»³⁶, общая и для волшебной сказки, и для обрядов переходного цикла — как сезонных, так и связанных с жизненным циклом человека. Ср.: «Кутья, как правило, варилась из целых, нераздолбленных семян. <...> Зерно обладает свойством надолго сохранять и воссоздавать жизнь. <...> К кутье обычно примешивались ягоды. <...> Ягоды представляют тоже семя, облеченное плодом. Всем этим объясняется, почему кутью употребляли при свадьбах, рождении детей и смерти. Она заменяет постоянство возрождения жизни, невзирая на смерть»³⁷.

³⁵ Протт В. Я. Морфология сказки. С. 38. Курсив мой. — С. Ж. Интересные наблюдения за модификацией термина «вредитель» в следующих изданиях книги см.: Неклюдов С. Ю. Владимир Пропп: от «морфологии» к «истории» (к 75-летию опубликования «Исторических корней волшебной сказки»). С. 104–105.

³⁶ Ср.: Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М., 1984. С. 12–14.

³⁷ Протт В. Я. Русские аграрные праздники. С. 16. Отметим, что такое понимание тем не менее не сводится автором к теории «умирающего и воскресающего божества». См. также: Иванов М. В. Поднявший перчатку // Иванов М. В. Университетские филологи. СПб., 2009. С. 5–63.

Любопытно, что в несколько сокращенном виде распределение функций сказочных персонажей может быть применено и к обрядам, связанным с животноводством: типологические сходжения между аграрными и животноводческими обрядовыми комплексами неоднократно отмечались. Инициальная ситуация недостачи выражена имплицитно (как *ожидание* плодovitости, *потенциального* прибавления поголовья или как минимум отсутствия убыли); первый выгон скота на подножный корм может быть представлен как отправление в «иной» мир, о чем свидетельствуют ритуалы, совершаемые хозяйкой и/или пастухом перед первым выгоном скота, и пастушеские «отпуски». Комплекс обрядовых действий призван сберечь скот, обеспечить его возвращение домой каждый день или в конце сезона. Исследователи пастушеских ритуалов отмечают, что особые магические действия направлены на создание целостности стада, что и позволяет в дальнейшем рассматривать его как некоего единого «персонажа»³⁸. В самом начале пути «герой» (стадо) встречается с «дарителем» — пастухом, у которого есть и волшебное средство («отпуск»), и волшебные предметы (багот, труба и другие «инструменты» пастуха). С их помощью обеспечивается сохранение и каждой отдельной головы в стаде, и стада как целого.

Функции боя с антагонистом и победы героя в животноводческом обрядовом комплексе сливаются в одно целое: если под антагонистом понимать буквальных вредителей скота (дикого зверя, молнию, болезнь), то бой будет выигран в том случае, если встреча не состоится. Возвращение стада в село и каждой коровы в свой двор равно возвращению героя в «свой» мир. Интересно, что, в отличие от восточнославянской традиции, в странах Западной Европы, расположенных в альпийском регионе (Швейцария, Австрия, Германия), и сегодня широко отмечается праздник возвращения (отгона) скота с летних пастбищ (фестиваль Альмабтриб), который стал привлекательным для туристов зрелищем. Праздник выгона скота в этих регионах сегодня не празднуется.

А. Ф. Некрылова, анализируя народный календарь как систему народных представлений, пишет: «Синхронизация природных ритмов и хозяйственной деятельности человека привела к особой

³⁸ *Инполитова А. Б.* Пастушеский отпуск начала XX века (Из полевых материалов Н. И. Рождественской) // *Славянская традиционная культура и современный мир: Стратегия и практика полевых исследований.* М., 2012. Вып. 15. С. 156–173; *Дурасов Г. П.* Обряды, связанные с обиходом скота в сельской общине Каргополя в XIX — начале XX в. // *Русские: семейный и общественный быт.* М., 1989. С. 265–282.; *Мороз А. Б.* Севернорусские пастушеские отпуски и магия первого выгона скота у славян // *Восточнославянский этнолингвистический сборник.* М., 2001. С. 232–258; специальный раздел о пастушестве см. также: *Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики.* Л. 1986.

отмеченности начальных и завершающих моментов природных циклов, обрядовых комплексов, ритуалов, возрастных этапов и т. п. Магия начала и окончания ярко прослеживается в существовавших в народном сознании и актуализируемых в культурной деятельности «кругов» с относительно замкнутым пространством и временем. Круги эти имели разные масштабы — от годового круга до обыденного обряда, того, который справлялся в течение одного дня. <...> Здесь каждый день и цикл наполнены своим содержанием (богатым или скромным) и всегда подготовлены предшествующими циклами или отрезками времени и всегда были проецированы на следующие»³⁹. Очевидно, что в годовом цикле существуют и парные праздники и обряды (зимние святки — летние/зеленые святки, сев — жатва, первый сноп — последний сноп, завивание венков в семик — завивание «бороды» и т. д.)⁴⁰, и целостная смысловая цепочка (отправка героя — испытание — трансформация и перемещение в пространстве — возвращение — узнавание — пир).

Все сказанное выше требует, безусловно, проверки на более широком и, возможно, не только восточнославянском материале. О том, что исследование календарных праздников открывает новую страницу в изучении прежде всего обрядовых песен, В. Я. Пропп писал, завершая книгу: «Историко-этнографическое изучение аграрных праздников создает основу для лучшего понимания русской календарной песенной поэзии и ее красот»⁴¹. Довольно скоро структурный метод был применен его учеником, И. И. Земцовским, к анализу музыкальной стороны обрядовых песен⁴². Отметим, однако, что выявление структуры земледельческого годового круга позволяет выйти за пределы системы фольклорных жанров и наглядно представить народный календарь как единую систему, являющуюся частью универсума традиционной культуры с ее специфической логикой и смыслом. Эта идея была продолжена и развита в более поздних работах по календарной обрядности. Так, В. К. Соколова в уже упомянутой монографии, сосредоточившись в основном (но не исключительно) на весенне-летнем цикле, расширила географический диапазон материала, включив в исследование русские, украинские и белорусские традиции. Е. С. Новик в работе «Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур» (1984), во многом

³⁹ Некрылова А. Ф. Народный календарь как явление традиционной культуры // Проект «Звуковая энциклопедия». URL: <http://window.edu.ru/resource/494/38494> (дата обращения: 25.11.2024).

⁴⁰ Это закреплено и в текстах: «Какой день в Миколу Зимнего, такой и в Миколу Летнего».

⁴¹ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. С. 136.

⁴² Земцовский И. И. Мелодика календарных песен. Л., 1975.

опираясь на исследования В. Я. Проппа в области и волшебной сказки, и обрядов, разворачивает его принципы применительно к анализу сибирского материала — в частности, шаманских мистерий. В монографии «Мифопоэтические основы славянского народного календаря» (2002)⁴³ Т. А. Агапкина, отказавшись вслед за В. Я. Проппом от традиционно хронологического принципа в анализе сезонных праздников, обратила внимание на мифопоэтические доминанты («содержательные схождения»), лежащие в основе весенне-летнего цикла славянского календаря. При этом в ее концепции выделено два существенных отличия от пропповского подхода: во-первых, основной единицей, предметом исследования автора являются не только обряды (ритуал), но все элементы фольклорно-этнокультурного дискурса (тексты, песни, обряды, верования и пр.); во-вторых, весенне-летний цикл представляется законченным и обособленным фрагментом годового круга. Второе расхождение, впрочем, не является субстанциальным, а, напротив, подкрепляет слова В. Я. Проппа о том, что впоследствии, после анализа структурной схемы календаря, отдельные праздники (а также их циклы) можно анализировать на новом уровне. Этот далеко не полный список показывает, что закрывать вопрос о структурно-типологическом изучении традиционного календаря пока еще рано.

Приложение

Рецензии на «Русские аграрные праздники»

Haltsonen S. // Virittäjä. Helsinki, 1963. № 2. P. 283–284⁴⁴.

Турбин В. Репортаж со святок // Молодая гвардия. 1964. № 1 (январь). С. 289–299⁴⁵.

Носова Г. В. Я. Пропп. Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования) // Советская этнография. 1964. № 1. С. 176–178. Пер.: *Nosova G. V. J. Propp.* Die russischen Agrarfeite (Versuch einer historisch-ethnographischen Untersuchung) // Deutsches Jahrbuch für Volkskunde. Berlin, 1964. Bd. 10, vol. 1. P. 196–199.

Putilov B. V. J. Propp: Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования // Demos: Ethnographische und folkloristische Informationen. 1964. № 1. P. 80–81 (№ 149).

⁴³ *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.

⁴⁴ См. автограф: РО ИРЛИ, ф. 721, № 203.

⁴⁵ Эта статья, как и ряд работ того же рецензента по другим поводам, была впоследствии подвергнута жесткой критике М. А. Лобановым. См.: *Лобанов М. О «веселых эскападах» на критической арене* // Литературная газета. 1964, 20 авг. № 99 (4841). С. 2.

Переводы монографии «Русские аграрные праздники»

Propp V. Ja. Roshia No Matsuri [Русские праздники] / Shin'ichi Ooki. Tokyo, 1966 (на япон. яз., без гл. 7).

Propp V. [Русские аграрные праздники] / Shin'ichi Ooki. Tokyo, 1973 (на япон. яз.).

Propp V. Feste agrarie russe: Una ricerca storico-etnografica / introduzione di Maria Solimini; [traduzione di Rita Bruzzese]. Bari, 1978 (на итал. яз.).

Propp V. Les fêtes agraires russes, traduit du russe [et présenté] par Lise Gruel-Apert. Paris, 1987 (на франц. яз.).

Propp V. Ja. Roshia No Matsuri [Русские праздники] / Shin'ichi Ooki. Tokyo, 1988 (на япон. яз.).